

Глава 2

Особое отношение

Хань Линь с удивлением обнаружил, что Шангуань Цюэ превосходно стирает одежду.

Вообще-то, это не должно было быть секретом. В школе царили строгие правила, свободного времени было мало. Ежедневные тренировки до седьмого пота заставляли стирать одежду чуть ли не каждый день. Стирка — дело нудное и долгое, поэтому мальчишки-подростки обычно собирались по вечерам вместе: руки трут одежду, а языки чешут о том о сём.

Шангуань Цюэ, едва прибыв в Линьси, устроил показательные поединки и одним махом сбил спесь со всех местных юнцов. Обычно мальчишки восхищаются силой, но когда она достигает такого уровня, это начинает пугать.

Остальные ученики испытывали к нему смесь почтения и страха. Находиться с ним на одной тренировочной площадке было всё равно что оказаться под лавиной — воспоминания о недавнем унижении проносились в голове снова и снова. Стирка была одной из немногих возможностей расслабиться, и в отсутствие Шангуань Цюэ они вели себя куда раскованнее. Естественно, им не хотелось делить с ним и это время.

И так было во всём: за едой, на уроках, в бане — его сторонились. Наставник хотел было вразумить детей, пресечь эту невольную травлю, но юноша его остановил.

Такое положение дел его вполне устраивало. Никто не мешал, и тренироваться было спокойнее. Он ещё не до конца освоил техники, которые учитель передал ему в письме, и ему нужно было время.

В Цзиньлине таких же, как он, отпрысков знатных семей было пруд пруди. Он приехал в Линьси не для того, чтобы заводить друзей. Тем более, навязанные друзья ему были не нужны.

Он был сообразителен и не стеснялся задавать вопросы, поэтому быстро освоился на новом месте, и первоначальная неловкость скоро улетучилась. Все его мысли были заняты тренировками, и всё шло своим чередом.

Но Хань Линь привязался к нему — да так, что было не отодрать.

Шангуань Цюэ заметил его ещё после того поединка. На уроках, на тренировочной площадке, за обеденным столом — один человек смотрел на него совсем не так, как остальные. В глазах других поначалу читалось презрение и пренебрежение — в конце концов, ему едва исполнилось тринадцать. Он привык к таким взглядам и не обижался. Напротив, ему нравилось сокрушать их своим мечом.

После поединка в их взглядах появился страх. Ему нравилось видеть это.

Когда-то давно Ао Чжунь сказал ему:

— Цюэ, это один из пейзажей, что открываются сильным. Он прекраснее всех румян Цзиньлина.

Это было чувство, будто стоишь на вершине мира.

А во взгляде того одного были любопытство, азарт и жгучее желание однажды превзойти его.

Шангуань Цюэ помнил Хань Линя, того мальчишку, что был на год младше его и, нарушив правила, вышел на помост и продержался против него больше тридцати ударов. Судя по тому поединку, истинным наследником мастерства наставника Се был не кто-то из прославленных на Собрании у Драконьих Врат юношей, а этот двенадцатилетний подросток.

Поэтому Шангуань Цюэ не удивился, что особенный взгляд принадлежал Хань Линю. Дней через десять тот наконец решился подойти.

Он таскал Шангуань Цюэ по всей округе, показывая места, которые тот и так уже прекрасно знал, рассказывал о времени для купания, а когда Шангуань Цюэ стирал одежду, подсаживался рядом со своим тазом и болтал без умолку. Честно говоря, это раздражало.

Хань Линь в то время был нескладным и выглядел даже младше своих лет. Черты лица у него были правильные, но само оно — худое и заострённое, как у оборванца из разбойничьей шайки, которая вечно голодает и вот-вот будет разгромлена стражей. Весь он походил на тонкую бамбуковую палку с головой наверху, а рот в этой голове не закрывался, словно музыкальный инструмент, непрерывно извергающий звуки.

Но Шангуань Цюэ был хорошо воспитан и, молча стирая, слушал эту болтовню, не прогоняя его.

Хань Линь, следуя лучшим традициям своей школы, не прекращал работать руками, даже когда говорил, и умудрялся ещё и по сторонам глазеть.

— А ты здорово стираешь. Я думал, вы, господа, таким не занимаетесь, когда из дома уезжаете. Хотел тебя научить, — с удивлением сказал он.

— Перед отъездом мама попросила прачку научить меня, — ответил Шангуань Цюэ, переворачивая одежду.

Хотя его мать всерьёз подумывала отправить с ним служанку, чтобы та заботилась о нём.

Хань Линь широко раскрыл глаза и весело сказал:

— Ты такой молодец! Меня стирать мама научила, я с пяти лет сам свою одежду стирал. Она всегда ругалась, что я в грязи вожусь, как бездомный пёс.

Тот бросил взгляд на его таз с мутной, как земля, водой и промолчал.

С тех пор Хань Линь постоянно искал повод сблизиться с ним. За едой садился рядом, во время стирки шёпотом рассказывал о переписке старшего ученика с барышней из знатной семьи, а после сушки белья приходил к нему с тусклым фонарём, чтобы спросить совета по поводу техник.

Техники, которым обучался Шангуань Цюэ, сильно отличались от обычных, некоторые даже шли вразрез с общепринятыми канонами. Их создал его наставник, Ао Чжунь. В своё время Ао Чжунь брал в ученики любого, кто мог понять хотя бы три строки из его учения. Шангуань Цюэ понял целую страницу и потому стал его учеником. Хань Линь из любопытства тоже пытался разобраться, но не понял ни строчки.

По сравнению с этим, то, что изучал Хань Линь, было настолько простым, что другой освоил всё с первого взгляда. Мальчик и сам был сообразительным, так что обучать его было легко. Шангуань Цюэ в свободное время давал ему советы.

Из-за той ауры силы и неприступности, что окружала Шангуань Цюэ после поединков, никто не хотел становиться его спарринг-партнёром, боясь потерять лицо. Поэтому на тренировках он обычно в одиночестве оттачивал приёмы, переданные ему наставником. Хоть отсутствие партнёра и было небольшим недостатком, зато никто не мешал.

Когда они сблизились, Хань Линь сам вызвался стать его противником. На тренировочной площадке он встал на место, которого все избегали, и, с улыбкой подняв саблю, подражая Шангуань Цюэ на том поединке, сказал:

— Прошу.

И тут же был повержен, изваян в пыли и разбит наголову.

В бою Шангуань Цюэ был совсем не похож на того мягкого и вежливого юношу, каким казался в жизни. Вступая в схватку, он стремился только к победе, был безжалостен и, казалось, не знал слова «пощада».

Другие боялись и не решались с ним драться, но он был рад такому выносливому и не боящемуся падений спарринг-партнёру.

Хань Линь хоть и был болтлив, но не был злопамятен и никогда не жаловался на боль. Даже

после самых жёстких тренировок он как ни в чём не бывало весело шёл с ним ужинать или стирать одежду.

Однажды ночью Хань Линь пришёл к нему, чтобы разобрать дневной приём. После этого он достал из кармана пузырёк с маслом и сказал:

— Я до спины не достаю, не мог бы ты помочь мне натереть?

При свете лампы Шангуань Цюэ увидел у него на спине огромный синяк. Он на мгновение замер, затем отставил пузырёк с маслом и, повернувшись, достал из своего сундука маленькую фарфоровую бутылочку. Откупорив её, он сказал:

— Садись под лампу.

— Да нет, это подойдёт. Неудобно твоё брать, ты только мне...

— Моя семья держит аптеку, мама дала мне с собой много лекарств от ушибов. Целый ящик. Когда будешь уходить, заberi эту бутылочку. Она хорошо помогает, нежирная и быстро сохнет, одежду не испачкаешь.

Прадед Шангуань Цюэ был знаменитым на всю Поднебесную лекарем. Во время войны, когда врачи были на вес золота, он сколотил состояние и, перебравшись с севера в Цзиньлин, занялся торговлей лекарствами и пряностями, расширив семейное дело. Его дед пошёл по стопам отца и стал лекарем, однажды даже вылечив от тяжёлой болезни основателя правящей династии. Он был на пике славы, но, не прельстившись властью, вернулся в Цзиньлин, чтобы унаследовать семейное дело.

Шангуань Цюэ нанёс мазь и некоторое время разминал ему плечи и спину.

Хань Линь поблагодарил его и добавил:

— Ты так хорошо массируешь, прямо как девушка Сяогэ.

— Кто это? — спросил Шангуань Цюэ.

— Приёмная дочь хозяина цирковой труппы, канатоходка.

— М-м? — не понял Шангуань Цюэ.

Хань Линь начал объяснять:

— В нашей деревне сначала была саранча, а потом засуха. Родители отдали мою младшую сестру, которая была на восемь лет меня младше, в чужую семью, а вскоре и сами умерли от голода. Я уже был в сознательном возрасте, но как сына меня никто брать не хотел, а для работы я был слишком мал. Никто не брал. Пришлось самому искать пропитание в большом городе. Сначала я пошёл в ученики к мяснику. Он... ну, в общем, нехороший человек был. И мой старший брат по учению... тогда со мной ещё один парень учился, года на четыре-пять старше, очень бледный, но не такой, как ты.

— Не сравнивай меня с такими людьми, — не выдержал Шангуань Цюэ.

Хань Линь смущённо кивнул и продолжил:

— Их обоих потом жена мясника в постели зарезала, и мне снова пришлось уйти.

Рука Шангуань Цюэ, втиравшая мазь, на мгновение замерла.

— Потом я наткнулся на бродячую труппу, — продолжал Хань Линь. — Хозяин был добрым человеком и приютил меня. Он владел ножами, а я, поработав у мясника, тоже немного умел с ними обращаться, так что я стал учиться у него парным клинкам. — Хань Линь почесал в затылке. — Получалось, конечно, не очень, но я был маленький, и это было хорошей приманкой для публики.

«Ты и сейчас ненамного больше», — подумал Шангуань Цюэ.

— Мы с труппой колесили по всей стране. Когда мы были в Гусу, один человек пришёл посмотреть на моё выступление. Он приходил несколько раз. А в день нашего отъезда он нашёл хозяина и сказал, что у меня есть талант и он может написать рекомендательное письмо, чтобы меня взяли в школу Линьси. Я не хотел идти, меня уже обманывали такие люди. Но хозяин настоял. Он сказал, что знает этого человека, что это второй ученик предыдущего главы Линьси, очень известный мастер, и он не обманет. Хозяин сказал, что ему больше нечему меня научить, и я не должен тратить свой талант зря. Он даже дал мне денег на дорогу и велел идти в Линьси.

Юноша, выслушав, склонил голову набок и сказал:

— Тебе действительно повезло встретить хорошего человека.

— Да, мне очень везёт, — радостно ответил Хань Линь.

Ветер ворвался в окно, разогнав облака. Лунный свет упал на кровать, и только тогда Шангуань Цюэ разглядел, что спина Хань Линя покрыта множеством старых шрамов. Что ж, бродячий цирк не ждёт, пока ты вырастешь.

Несмотря на это, Шангуань Цюэ по-прежнему не давал Хань Линю поблажек в поединках.

Наставник с детства учил его относиться к каждой схватке как к битве не на жизнь, а на смерть. Настоящая битва не на жизнь, а на смерть может случиться ещё не скоро.

Будущее Хань Линя было велико, и Шангуань Цюэ хотел, чтобы тот вместе с ним увидел пейзажи, открывающиеся с высоты.

Он так и сказал Хань Линю.

Тот долго смотрел на него, а потом, сдерживая смех, спросил:

— Вы с наставником... всегда так разговариваете?

В горах Хань Линь наконец-то начал досыта есть и быстро расти. В этом возрасте мальчики вообще быстро вытягиваются, но рост Хань Линя был просто поразительным. Иногда Шангуань Цюэ казалось, что за одну ночь тот становился выше на палец. Одежда, которая летом была ему ещё велика, к началу осени стала коротка, обнажая щиколотки.

Одежду ученикам присылали родители, так что у Хань Линя сменной не было.

Однажды вечером, после занятий, Шангуань Цюэ остановил его и предложил примерить свою старую одежду, лежавшую у кровати.

Хань Линь поспешно отказался:

— Не нужно, не нужно, одежда старшего брата такая дорогая. А я вечно в грязи, с утра до вечера по земле катаюсь, только испорчу.

— Мама сама выбирала ткань и следила за пошивом. Она не дорогая, а очень прочная, для тренировок в самый раз. Я за последнее время сильно вырос, эти вещи мне уже малы, так что они всё равно лежат без дела.

Хань Линь послушно примерил, но одежда оказалась слишком велика, штанины волочились по полу.

— Недавно наставник нашёл портного, и сегодня мне принесли несколько новых комплектов, даже зимние есть. Мне хватит, — сказал Хань Линь, аккуратно складывая одежду. Обернувшись, он добавил шёпотом: — Наставник велел не афишировать. Если спросят, говорить, что это от дальних родственников. Старший брат, ты никому не говори, а то ему будет неудобно.

Се Чжишань был человеком скромным и не любил роскоши. Его собственная одежда была заношена до дыр, и на нижних рубахах главы великой школы часто можно было увидеть заплатки.

Шангуань Цюэ, читавший письмо, лишь усмехнулся.

«Не разбогател же он, откуда бы взяться родственникам? В горах не дураки сидят, все видят, что Се Чжишань тебя больше всех жалует»

Но дело не ограничивалось одеждой. Каждые десять-пятнадцать дней Се Чжишань звал Хань Линя к себе в комнату, чтобы подкормить его разными лакомствами: дыней, цукатами, вяленным мясом, утиными шейками. Об этом знала вся школа.

Как и любой наставник, Се Чжишань был пристрастен. Это было по-человечески понятно. Для главы школы самым важным всегда были четыре слова: «продолжить дело предшественников».

Хотя Хань Линь и не был тем, кто мог бы возглавить школу, среди нового поколения учеников Линьси не было никого, кто бы выделялся так же ярко. Единственный росток нужно было беречь, даже если было очевидно, что в будущем Хань Линю предстоит сражаться в цзянху.

С другой стороны, если не получается вырастить надёжного преемника, то воспитать фигуру, способную всколыхнуть мир боевых искусств, — тоже неплохо. Пока другого выбора не было, а с воспитанием главы школы можно было и подождать. Се Чжишань был ещё в расцвете сил.

Шангуань Цюэ слышал от своего наставника рассказы об этом старшем брате. Тот поступил в школу очень рано, был честным и добросовестным, но тугодумом и упрямым. Когда дело доходило до поимки учеников, тайком сбежавших с горы, он был неумолим. Он был усерден и трудолюбив и обладал настоящим мастерством. Их общий наставник в своё время тоже не слишком жаловал Се Чжишаня. Но так уж вышло, что те, кто мог бы превзойти старшего брата, — как он сам и его второй брат — стремились в большой мир и не годились на роль хранителей школы. А те, кому можно было доверить школу, уступали старшему брату в мастерстве.

Се Чжишань не только заботился о быте Хань Линя, но и вкладывал много сил в обучение его искусству сабли.

Хань Линь рассказывал, что, когда он пришёл в горы с рекомендательным письмом и впервые встретился с наставником, тот, прочитав письмо, дал ему деревянную саблю и велел показать, на что он способен. После демонстрации лицо Се Чжишаня, обычно спокойное и невозмутимое, не дрогнуло.

Хань Линь испугался, что его прогонят. Бродячая труппа уже давно ушла, и он боялся снова остаться на улице.

— Если я не гожусь для боевых искусств, я могу выполнять любую чёрную работу, — поспешно сказал он.

Се Чжишань лишь распорядился, чтобы ему выделили койку.

Поначалу Се Чжишань не выделял Хань Линя среди других. Единственное отличие заключалось в том, что, обнаружив, что тот не понимает учебники по техникам, потому что неграмотен, он отвёл его к учителю, который преподавал распознавание лекарственных трав. С тех пор у Хань Линя появился ещё один урок — грамота. А поскольку неграмотных в горах было много, этот урок по ликвидации безграмотности вскоре стали посещать многие.

Лишь полгода спустя Хань Линь понял, для чего это было нужно.

Се Чжишань одну за другой приносил ему книги по искусству сабли и внутренним техникам, которые, казалось, пролежали на полках целую вечность и пропахли сыростью. Он не давал никаких объяснений, а лишь велел Хань Линю заучивать толстые тома наизусть. Требование было одно: услышав название приёма, немедленно вспомнить иллюстрацию и описание.

Хань Линь не смел ослушаться приказа наставника и полгода бездумно зубрил непонятные тексты, пока в Линьси не прибыл Шангуань Цюэ.

На самом деле, ещё после того поединка Шангуань Цюэ начал кое о чём догадываться.

Насколько он знал, Хань Линь пробыл в Линьси всего год и, как и другие новички, изучал лишь основы и только-только приступал к освоению внутренних техник. Но на помосте, хоть Хань Линь и выглядел неказисто, некоторые его приёмы были весьма примечательны и не походили на то, чему его должны были учить на этом этапе.

Лишь когда он узнал о зубрёжке и попросил Хань Линя продекламировать то, что тот выучил за последние полгода, Шангуань Цюэ всё понял.

Вероятно, нелюбовь к некоторым вещам заложена в человеке с рождения. Хань Линь был очень вынослив, но ненавидел зубрить. Видя его мучения, Шангуань Цюэ уговаривал его:

— Это для твоего же блага. Пока голова свежая, мысли ясные и в ней ещё не так много всего, лучше выучить сейчас. Потом наставник обязательно всё подробно объяснит.

Раз в месяц в Линьси проводился экзамен, на котором наставник лично проверял успехи каждого ученика. Экзамен был назначен на шестнадцатое число, и для Хань Линя каждый месяц с первого числа начинался ад.

То, чего не касались другие ученики, Хань Линь был вынужден изучать дополнительно, и это тоже входило в экзамен. Причём Се Чжишань был к нему особенно строг, порой доходя до

жестокости.

Там, где другим было достаточно показать шестидесятипроцентный результат, от Хань Линя требовалось девяносто, и его всё равно ругали, спрашивая, не расслабился ли он в последнее время.

Се Чжишань был очень рад, что Шангуань Цюэ и Хань Линь целыми днями тренируются вместе, и ни словом не обмолвился о том, что Шангуань Цюэ постоянно избивает его самого многообещающего ученика до синяков. Шангуань Цюэ понимал его радость: его самый перспективный ученик ежедневно меряется силами с гением своего поколения — что может быть лучше?

Иногда Шангуань Цюэ думал, что, если бы Хань Линь сам не подошёл к нему с тазом для стирки, наставник лично бы их свёл.

Впрочем, позже он так и сделал: не прошло и полгода, как под предлогом переселения он поселил Хань Линя в соседней с Шангуань Цюэ комнате.

Благодаря рассказам Хань Линя, к Шангуань Цюэ за советами по техникам и приёмам защиты стали приходить и другие ученики, даже те, кто был намного старше. Обучать их было несложно, к тому же он уже почти полностью освоил годовой курс техник, переданных ему наставником, так что он с радостью делился знаниями.

Обучая других, он и сам многое постигал, учился понимать образ мыслей обычных людей и, находя нестандартные подходы, совершенствовал своё мастерство — в этом и заключалась суть его учения.

Конечно, большую часть времени он всё же проводил с Хань Линем, указывая на его ошибки и достижения. Тот рос на глазах, и Шангуань Цюэ даже испытывал от этого некоторую гордость.

<http://bllate.org/book/15990/1441390>